

A man with a beard and short grey hair, wearing a light blue button-down shirt, is in the foreground looking intensely at the camera. Behind him, a woman with long blonde hair and blue eyes, wearing a light-colored blouse, looks off to the side. The background is a softly lit interior with curtains.

ВИКТОРИЯ ЗОЛотоВА

ИЗМЕНА

ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ СО МНОЙ

Виктория Золотова

Измена. Ты останешься со мной

<https://litres.ru/74207859>

Аннотация

Моя НОВИНКА♥#

Надо же, я сегодня так расстаралась принарядиться, что даже охранник в офисе мужа меня не сразу узнал. Надеюсь Леше понравится мой сюрприз.

Тихонько открываю дверь в кабинет мужа, надеясь увидеть его за работой. Но вместо этого замираю и понимаю, что мой мир рушится безвозвратно...

Он стоит посреди кабинета, прижимая к себе женщину.

Замираю, уверенная, что ошиблась.

Это не он. Просто не может быть он.

Может, показалось? Может, я не туда вошла?

Мужчина поворачивает голову, и я вижу его профиль. Его глаза прикрыты, губы касаются её кожи. Он целует её шею медленно, будто смакует.

Руки на её талии. Его пальцы двигаются уверенно, будто делают это не в первый раз.

Моя ладонь сжимается на коробке, и я слышу, как она хрустит. И внутри что-то хрустит. Ломается.

Это не ошибка.

Это он. Мой муж.

И он замечает меня. В лице меняется и отстает наконец от своей пассивности:

– Лера... подожди, это не то, что ты подумала.

Содержание

Глава 1	5
Визуал	12
Визуал	13
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	73
Глава 13	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

Прижимаю коробку с шоколадом к груди, словно от неё зависит что-то очень важное. В сумке припрятано то самое, красное, терпкое, с вишнёвым послевкусием. Муж всегда говорил, что любит его под сыр.

Помню, как мы когда-то смеялись на кухне и ели прямо с разделочной доски. Вместе. Хочу, чтобы сегодня он тоже это вспомнил. Чтобы посмотрел на меня как раньше и понял, что наши чувства еще живы. Мы не просто привычка, счета, уборка и сон в одной постели, не касаясь друг друга. Мы одно целое.

Пальцы дрожат, и я уже не понимаю, от холода или от внутреннего волнения. Вдыхаю глубоко, пряча тревогу под слоем яркой помады и нарочито уверенным взглядом.

Сегодня я всё сделаю правильно. Сегодня мы вернёмся хотя бы на шаг назад к тому, кем были раньше. Он только увидит меня, услышит, вспомнит...

А если нет, то я сделаю всё, чтобы напомнить ему о наших чувствах.

Такси останавливается перед знакомым офисом. Расплачиваюсь на автомате и выхожу.

На улице дождь, мелкий, настойчивый, как будто пытается вернуть меня назад, но я решительно иду вперед. Сегодня ничего не сможет помешать мне. Уже давно нужно было что-

то поменять в нашей жизни, и я уверена, что сегодня тот самый день.

Прижимаю коробку с конфетами и ускоряю шаг, стараясь не думать ни о чём плохом. В голове только муж. Его улыбка, его удивлённый взгляд, его тепло, которого так давно не хватало.

Захожу в здание, и у входа меня встречает знакомый охранник. Ловлю на себе его настороженный взгляд, как будто он видит меня впервые.

— К кому вы? — спрашивает, не вставая с места.

Немного теряюсь и поправляю причёску:

— К Алексею Морозову. Я... Я жена, — говорю тихо, словно боюсь, что голос дрогнет.

Он поднимает брови, всматривается внимательнее, потом кивает и неожиданно улыбается:

— О, это вы, Валерия... Простите. Просто вы так хорошо выглядите сегодня, я сразу и не понял. Проходите, конечно. Только поосторожнее. Директор вышел минут десять назад. Он сегодня какой-то... Не в духе.

Не отвечаю, просто киваю и прохожу внутрь.

На самом деле мне всё равно, что у него там за начальник. Леша всегда говорил, что тот строгий, придиричивый, но, мол, к нему у шефа особое отношение — уважает, ценит. Значит, нашёл подход. Всегда находил. Со всеми.

И со мной тоже находил... Раньше.

Каблуки звонко стучат по мрамору пола. Лифт несёт меня

наверх, и сердце снова бешено колотится, предвкушая встречу.

Я не предупреждала о визите, хотела сделать сюрприз. Такой, который сможет вернуть нам близость, тепло и доверие.

Выхожу из лифта и на секунду замираю. В офисе так тихо, что даже не верится. Мне никогда не удавалось приезжать к мужу в такое время. Всегда была занята своей работой. Но сегодня удалось вырваться пораньше. Дополнительные занятия отменились, и у меня появилось свободное время. А тут еще и Леша сам мне утром сказал, что все разъедутся пораньше, а он останется допоздна копаться с бумагами.

Вот мне и пришло в голову, что сегодня тот самый день, когда мы можем уйти от быта и вспомнить, как все было раньше.

Приободряю себя и продолжаю движение в сторону кабинета. По коридору иду медленно, предвкушая встречу с мужем.

Останавливаюсь у его двери. Табличка та же — «Алексей Морозов. Коммерческий директор». Всё на месте. Даже ручка, которую он однажды поставил сам, чтобы «бесшумно закрывалась».

Чувствую, как в животе всё тянет от волнения. Сердце бьётся где-то под горлом. Сжимаю пальцы на коробке конфет. Слишком крепко.

А что, если он не обрадуется?

Что, если мой сюрприз только еще больше отдалит нас?

Делаю вдох. А потом тянусь к ручке. Рукам вдруг становится холодно.

— Ну чего ты, Лера. Глупости, — шепчу себе. — Всё хорошо. Он обрадуется. Просто обрадуется.

Тихонько открываю дверь, надеясь увидеть его за работой, погружённого в бумаги или компьютер.

Но вместо этого замираю и понимаю, что мой мир рушится безвозвратно.

Леша стоит посреди кабинета, прижимая к себе женщину. Замираю, уверенная, что ошиблась. Это не Леша. Просто не может быть он.

Может, показалось? Может, я не туда вошла?

Мужчина поворачивает голову, и я вижу его профиль. Его глаза прикрыты, губы касаются её кожи. Он целует её шею медленно, будто смакует.

Руки на её талии. Его пальцы двигаются уверенно, будто делают это не в первый раз. Её юбка задрана.

Моя ладонь сжимается на коробке, и я слышу, как она хрустит.

Это не ошибка. Это он. Без сомнений. Без оправданий.

Руки ослабевают. Коробка с шоколадом выпадает из моих рук и ударяется об пол, звук звонкий и болезненный. Бутылка разбивается вдребезги, и красное пятно расплзается по полу, напоминая кровь.

Стою и не могу отвести взгляд от этих двоих:

— Леша, — произношу шёпотом, потому что громче не

получается.

Он резко оборачивается, и я вижу, как в его глазах мелькает паника, а потом страх. Женщина быстро отступает назад, опуская юбку и поправляя волосы, не смея посмотреть в мою сторону.

— Лера... Подожди, это не то... Не то, что ты подумала, — произносит он быстро, делая шаг ко мне.

— Не то? — говорю тихо, с трудом выталкивая слова наружу. — А что именно я должна подумать, видя тебя с другой женщиной?

Леша снова делает шаг ко мне, но я инстинктивно отступаю, не давая ему приблизиться.

— Это ошибка, я не знаю, как так вышло, — его голос звучит жалко и растерянно.

— Ошибка? — голос дрожит, и слёзы начинают застилать глаза. — Леш, ошибкой может быть забытый зонт, потерянные ключи. Но не это...

— Лера, послушай, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, это просто... Просто момент слабости, — он протягивает ко мне руки, словно пытаюсь что-то исправить.

— Момент слабости? — чувствую, как дрожат мои губы. — А я, значит, не стою даже того, чтобы ты эту слабость поборол? Я так верила тебе...

Он смотрит на меня молча, и я понимаю, нет слов, которые могли бы оправдать эту боль.

Делаю шаг назад, чувствуя, как что-то внутри меня лома-

ется окончательно и бесповоротно.

— Лера, подожди, прошу, мы всё обсудим... — он говорит тихо, но я уже не слушаю.

— Нет, Леш, — шепчу. — Теперь уже слишком поздно. Разворачиваюсь и делаю шаг к выходу. За спиной слышу, как Леша резко вдыхает. Секунда, и он хватает меня за запястье. Пальцы врезаются в кожу не больно, но достаточно, чтобы остановить.

— Я сказал, стой, — голос глухой, с надрывом. — Не вздумай сейчас уйти. Иначе...

Он не договаривает. Просто смотрит. Глаза у него бешеные, дыхание сбивчивое, будто он не ожидал, что я действительно уйду.

Замираю. Не из страха. Из шока. Не понимаю, чего он боится: потерять меня? Или потерять контроль над ситуацией?

— Убери руку, Леша, — говорю я тихо, почти беззвучно. — Ты не имеешь права держать меня.

Он продолжает стоять, не отпуская.

— Если ты сделаешь ещё хоть шаг, я лишу тебя всего, что у тебя есть, — выдыхает он с каким-то странным спокойствием, будто выносит приговор. — Денег. Квартиры. Работы.

Он говорит это медленно, глядя прямо мне в глаза, как будто проверяет, сломаюсь ли. Как будто пугает — не истерикой, а тишиной. И я понимаю, что он говорит это не в гневе. Он говорит это как человек, который привык получать

то, что хочет.

— Всё, Лера. Не доводи, — добавляет он почти устало. — Просто останься. Мы поговорим. Я всё объясню.

Не шевелюсь. Только смотрю. Он правда думает, что я останусь после этого? Что испугаюсь?

— Нет, Леш. Это не ты меня всего лишишь, — говорю тихо. — Я сама от всего откажусь. Прощай.

Визуал

Валерия (Лера)

Возраст: 28

Профессия: преподаватель литературы в частной гимназии

Статус: жена Алексея

Характер: внешне мягкая, тихая, деликатная; внутри — глубокая, терпеливая, умеет ждать и надеяться дольше, чем нужно

Стиль речи: сдержанный, живой, без истерики; говорит тихо, но точно

Боль: изменила ему не она, а боль — всё равно с её стороны

Главная мотивация: сначала — спасти отношения, потом — выбрать себя, но не с озлоблением, а с большой любовью к жизни

Сильная сторона: она не мстит. Она просто уходит и не возвращается

Слабость: до последнего верит, что его можно вернуть, потому что боится пустоты

Цитата: *«Я просто хотела напомнить ему, как это — нас любить»*

Визуал

Алексей Морозов

Возраст: 34

Должность: коммерческий директор

Статус: муж Леры

Характер: спокойный, уверенный, всегда знает, как повернуть ситуацию в свою сторону

Мотивация: не любовь, а контроль; теряет власть — теряет равновесие

Отношение к Лере: воспринимал как «правильную жену» — домашнюю, надёжную, тихую. Не увидел в ней живого человека

Почему не отпускает: не хочет, чтобы она была с кем-то другим. Не про чувства — про владение

Стиль речи: уравновешенный, но срывается в угрозу, когда теряет контроль

Цитата: *«Если ты сделаешь ещё хоть шаг, я лишу тебя всего, что у тебя есть»*

Глава 2

Хочу убежать.

Просто открыть дверь и исчезнуть. Вниз по лестнице, мимо ресепшена, в дождь, в никуда.

Но пальцы предателя всё ещё на моём запястье.

Не больно, нет. Но я не могу сдвинуться. Как будто он удерживает не только меня. Он вцепился в остатки моей воли, моих чувств, моей прежней жизни.

— Отпусти, Леш, — повторяю. Голос едва слышный, будто не мой. — Пожалуйста.

Он смотрит, как будто не понимает. Или делает вид. Его глаза растеряны, но губы сжаты в упрямую линию.

Вижу, как он злится, но как будто не на меня, а на самую ситуацию. Видимо, его бесит то, что не закрыл дверь. То, что я его раскрыла, его предательство.

Так больно и так тупо.

— Нам нужно поговорить, — выдыхает он. — Просто остановись, ладно? Не делай сейчас глупостей.

Остановиться? Глупость? А что для него глупость?

То, что я хочу уйти? Или то, что не промолчала? Может, глупо увидеть своими глазами и не сделать вид, будто ничего не было?

Чувствую, как что-то во мне сжимается. Не от страха. От осознания.

Леша стоит передо мной и всё ещё считает, что может что-то объяснить. Но мне уже не нужны объяснения. И это самое страшное.

— Это не я делаю глупости, Леш, — говорю, вырывая руку.

Но попытка снова провалилась. Он не держит крепко, но и не отпускает полностью.

— Лера, я не хотел... Это вышло случайно. Это не значит ничего!

В этот момент, будто забытая деталь мебели, подаёт голос из-за спины мужа:

— Простите, конечно, — говорит девушка, всё ещё стоящая у стены. Голос у неё звонкий, с намёком на вежливую раздражённость. — Я не хочу мешать, но... мне правда нужно идти. У меня встреча через полчаса.

В кабинете на секунду повисает молчание.

Леша медленно поворачивается к ней. И я вижу, как его лицо искажает что-то, похожее на отвращение.

— Ты серьёзно сейчас? — шипит он. — Уходи. Просто исчезни отсюда.

— Я же сказала... мне нужно, — бросает она. — Ты сам сказал, что всё под контролем.

— Уходи! — срывается он, делая шаг к ней.

Та пятится и наталкивается на край стола. Вижу, как наше фото падает на пол.

Шум, как выстрел.

Вздрагиваю.

Они спорят, как будто меня здесь нет. Как будто я не жена. Не человек вообще. Просто помеха в их внезапно испорченной встрече.

Прихожу в себя и понимаю, что это мой шанс.

Шанс сбежать.

Разворачиваюсь и быстрым шагом выхожу из кабинета.

Каблуки стучат по плитке, а сердце вылетает из груди. Слезы заливают лицо, и я почти ничего не вижу. Только полосы света и тени в коридоре. Только движение. Только желание выбраться. Дышать.

Спускаюсь по лестнице и быстрым шагом прохожу мимо охранника. На улице хлещет дождь. Настоящий, хлёсткий, как пощёчина. Волосы моментально мокрые, платье липнет к коже.

Но мне всё равно. Я бегу. И не оборачиваюсь.

Сквозь пелену вижу тёмную машину у обочины. Дорогая, чёрная, чистая бизнес-такси. Их всегда полно рядом с такими зданиями.

Всё логично. Всё просто. Нужно просто уехать.

Подбегаю и открываю дверь.

Сажусь, тяжело дыша, вода с волос капает на плечи.

— Песочная, двадцать девять. Пожалуйста. Скорее, — говорю, не глядя. Руки дрожат.

Машина не трогается.

Пристёгиваю ремень безопасности и понимаю, что води-

тель даже не двинулся. Не завёл машину, не кивнул.

Он просто молчит.

Пытаюсь осознать, что происходит, и вижу, как мужчина поворачивается на меня.

Встречаю его взгляд, и что-то в нём меня настораживает. Он смотрит прямо. Прицельно. Как хищник, которого никто не звал.

Вижу, как жадный, тяжёлый взгляд скользит по моему лицу, волосам, воде на ключице.

Он не говорит ни слова. И от этой паузы становится не по себе.

Моргаю, стараюсь выровнять дыхание.

Что-то внутри щёлкает. Это не такси. Я не там.

— Простите, — начинаю, — может, я ошиблась машиной...

Он усмехается. Губы чуть приподнимаются, будто он развлекается.

— Ну, поехали, малышка, — произносит негромко, почти лениво.

Сердце замирает.

Глава 3

Машина трогается плавно, и я невольно отмечаю, что водитель ведёт машину уверенно, даже слишком.

Хотя я впервые сижу в таком дорогом такси и понятия не имею, как здесь принято себя вести.

Может, такая расслабленность и уверенность — это нормально?

Пытаюсь разглядеть его получше, но вижу лишь профиль и напряжённые руки на руле. Что-то в нём заставляет меня чувствовать себя неловко, словно рядом не просто водитель, а кто-то гораздо более опасный.

Тут же отгоняю эту мысль, убеждая себя, что просто на нервах после случившегося. Хотя, наверное, лучше пройтись пешком. Зря я села в эту машину.

— Простите, — произношу, стараясь скрыть тревогу и дрожь в голосе. — Я, кажется, действительно ошиблась. Вы не могли бы остановить?

Он молчит, будто размышляет, стоит ли отвечать.

Что здесь не так? Почему он совершенно меня не слушает? Разве так должен вести себя таксист?

Водитель поворачивает голову, и я вздрагиваю от неожиданности. Его взгляд медленно скользит по мне. Тяжёлый, уверенный, полный какой-то неоспоримой власти, от которой у меня невольно перехватывает дыхание.

— Нет.

Сердце проваливается вниз.

— В смысле — нет? Остановите, пожалуйста, я сама доберусь.

Его губы едва заметно изгибаются в ухмылке, и он снова переводит взгляд на дорогу.

— Расслабься, девочка. Тебе не о чем переживать. Я доставлю тебя домой в целости и сохранности.

Внутри мгновенно вспыхивает раздражение.

Девочка?

Кто он вообще такой, чтобы называть меня так? Какое право он имеет говорить со мной подобным тоном? Я даже не знаю этого человека, а он ведёт себя так, будто мы знакомы.

Чувствую, как самоуверенность этого мерзавца выводит меня из равновесия.

Стискиваю зубы от злости:

— Мне не нужно, чтобы вы меня доставляли! — В голове звучит паника и раздражение одновременно. — Остановитесь немедленно!

Он снова поворачивается на меня, и этот взгляд заставляет меня замолчать. В нём столько власти, что спорить дальше не хочется.

Кусаю губу и отворачиваюсь к окну, чувствуя, как слёзы начинают снова щипать глаза. От безысходности, от унижения, от осознания того, что весь мой мир только что рассу-

пался на кусочки. Этот мерзавец не похож на того, кто смог бы обидеть. Но и терпеть всё это у меня сейчас просто нет сил.

Хорошо, что он сказал, что отвезёт меня домой. Может, так и лучше. Подальше от Лёши.

Дыхание вновь перехватывает.

Лёша...

Слёзы катятся по щекам, и я уже не сдерживаюсь. Вспоминаю, как он держал её в руках, как он смотрел на неё — мой муж, человек, которому я доверяла больше всех на свете. Перед глазами снова эта ужасная сцена, и я всхлипываю тихо, но мерзавец всё равно замечает.

— Из-за мужчины, верно? — неожиданно произносит он.

Замечаю, что в его голосе нет даже намёка на сочувствие. Ни капли участия. Только насмешка, сухая и спокойная, будто он смотрит на меня сверху вниз, как на очередную драматичную девочку, которая в истерике после глупой ссоры.

Сжимаю пальцы в кулак. Хочется ответить, уколоть, как-то оттолкнуть это безразличие, но слова застревают в горле. Он словно специально выжидает, наблюдая за моей реакцией.

— Это не ваше дело, — отвечаю резко, вытирая слёзы с лица.

— Просто не стоит тратить на это слёзы. Мужчина, который заставляет женщину плакать, не стоит ничего.

— Вы много знаете, — тихо огрызаюсь, пытаюсь скрыть

свою слабость и уязвимость.

— Поверь, достаточно, чтобы видеть насквозь людей, — спокойно отвечает он, даже не взглянув на меня.

Замолкаю.

В его присутствии мне неудобно, но в то же время его голос действует странно успокаивающе, уверенно, словно он привык контролировать всё вокруг себя.

Наверное, в это такси садится не первая девушка, которая только что рассталась или развелась с парнем.

Осторожно разглядываю мужчину.

Широкие плечи, сильные руки, пальцы уверенно лежат на руле. От него веет какой-то непонятной силой.

Может, это и есть та самая мужская энергия? Хотя откуда она у обычного таксиста? Хотя, наверное, Лёше стоило бы научиться у этого мужчины.

— Вы не похожи на водителя такси, — вдруг произношу, нарушая молчание.

Мерзавец усмехается и слегка поворачивает голову ко мне.

— И на кого же я похож?

— Не знаю, — отвечаю тихо, снова чувствуя, как дрожь пробегает по коже. — Но водители так себя не ведут.

— Поверь, водители бывают разные, — говорит он с ленивой уверенностью, снова возвращая взгляд на дорогу.

Молчу, не находя сил на дальнейший спор. Смотрю в окно, наблюдая, как капли дождя размазываются по стеклу, и

чувствую, как внутри разрастается пустота.

Мысли снова возвращаются к Лёше.

Как он мог? Как я могла не заметить?

Воспоминания душат. С каждым вздохом внутри всё сильнее сдавливает. Слёзы текут уже без остановки, медленно, горячо, по щекам, по подбородку, куда-то на ворот пальто.

Уже даже не пытаюсь их стереть.

Пусть текут. Мне всё равно.

Этот человек рядом, этот наглый и странно спокойный тип, становится просто фоном. Я не вижу его, не слышу. Я снова в том кабинете. Снова вижу, как Лёша держит её. Как гладит. Как целует. Так, будто это не ошибка. Будто это привычка.

Губы дрожат. Грудь сжимается. Всё тело болит, как будто ударили. Как будто не словами, а чем-то тяжёлым.

Всё, что было, просто... исчезло. У меня нет Лёши. Нет семьи. Нет нормального объяснения тому, как жить дальше.

Вижу, как машина останавливается у моего дома.

Молча выдыхаю и дёргаю ручку двери.

Заперто? Но почему?

— Выпустите, пожалуйста, — голос дрожит, и я снова отворачиваюсь, скрывая слёзы.

— Номер телефона, — слышу уверенный голос мерзавца.

— Что? — Поворачиваюсь, не веря своим ушам.

— Отпущу тебя, когда дашь мне свой номер телефона,

— ухмыляется, глядя на меня через зеркало заднего вида, совершенно спокойно, будто это нормально.

Напрягаюсь.

Что вообще за бред? Угрожающе не выпускает из машины, пока я не оставлю свои контакты? Это вообще законно? Это нормально?

Внутри поднимается возмущение, и вместе с ним омерзительное ощущение, что он даже не сомневается, что получит своё. Что я просто дам ему номер, потому что мне страшно. Потому что мне некуда деваться. Потому что он мужчина, а я мокрая, заплаканная девушка на грани срыва?

И ведь что самое страшное — он не давит. Не кричит. Не угрожает. Просто спокойно ждёт.

Смотрит и ждёт.

Понимаю, что сейчас ситуация не на моей стороне. Ведь я даже не смогу позвать на помощь.

И как вообще меня угораздило сесть в эту машину?

— Зачем он вам? — Почти шепчу, глядя на него с недоумением и испугом.

— Решил, что хочу тебя видеть ещё раз, — Произносит с абсолютным спокойствием, словно говорит о погоде.

Секунду молчу, продолжая чувствовать себя совершенно беспомощной перед этим мерзавцем.

Но самое странное, что он кажется мне гораздо надёжнее, чем тот, кого я оставила в офисе.

— Хорошо, — Произношу тихо, протягивая руку за его

телефоном. — Только потом отпустите меня.

Мерзавец думает, что я дам ему настоящий номер?

Не дожждётся. Я просто хочу выйти отсюда.

Хочет номер — получит. Главное, чтобы больше не трогал. Ни голосом, ни этим своим взглядом, от которого у меня до сих пор мурашки по спине.

Ещё посмотрим, кто кого обыграет.

Вижу, как мерзавец улыбается, и его взгляд становится чуть теплее:

— Конечно отпущу.

Глава 4

Быстро набираю случайные цифры на телефоне мерзавца, стараясь даже не смотреть в его сторону. Пальцы дрожат, нажимаю на кнопки, не глядя, не запоминая.

Пусть он думает, что это мой. Пусть уверенно сохранит его, пусть решит, что победил.

Мне всё равно.

Я просто хочу выйти из этой машины.

Медленно поднимаю голову и ловлю на себе его взгляд.

Протягиваю телефон обратно.

В зеркале заднего вида отражаются его глаза — спокойные, тяжёлые, будто он что-то уже решил за нас обоих.

Щелчок замка звучит громко, слишком громко в тишине салона. Дверь со стороны пассажира приоткрывается.

Тянусь к ручке, но прежде чем успеваю выбраться, его голос догоняет меня.

— Я скоро позвоню. Жди, — произносит тихо. Почти ласково. Без нажима, но так, что внутри всё сжимается.

Не отвечаю. Не оборачиваюсь. Просто выскальзываю из машины, захлопываю дверь.

Быстрым шагом иду к подъезду. Всё внутри кипит от возмущения.

Что это вообще было?

С каких пор стало нормой вот так таксисту разговаривать

с клиентом?

«Скоро позвоню».

Самоуверенный, мерзкий тип. Как будто мы с ним знакомы.

Туфли стучат по мокрому асфальту, и я слышу, как за спиной хлопает дверь машины, но я не оборачиваюсь. Только ускоряю шаг.

Ключи цепляются за пальцы, не вставляются с первого раза.

— Давай же, — шепчу сквозь зубы.

Свет фонаря моргает, будто издевается. И в этот момент я слышу, как машина трогается с места. Глухой рык мотора, тихий шелест шин по мокрому асфальту. Он уезжает. Не торопясь. Медленно, как будто знает, что мне этого звука будет достаточно.

Дверь наконец поддаётся, и я захожу в подъезд, стараясь не шуметь.

Хочется просто дойти до дома. Забраться под одеяло. Сделать вид, что всего этого не было. Что я не слышала этот голос. Что не чувствовала, как его взгляд будто проходит сквозь кожу. Что не видела сегодня своего мужа с другой.

А ещё — хочется вытереть из памяти свою беспомощность. И эту машину. И то, как я смотрела на него, пытаюсь угадать, что у него на уме. Хотя бы на пару минут забыть обоих. Просто перестать думать.

Добираюсь до двери и понимаю, что даже не запомнила

номер машины. Ни модели, ни цифр. Ни-че-го. Если бы захотела пожаловаться — уже поздно.

И кому жаловаться? Кажется, что он вообще не из такси, не из какой-то компании. Ни жетона, ни таблички. Просто машина и человек, который вёл себя так, будто я к нему села по умолчанию.

Может, нужно было хоть имя спросить?

Я ведь ни разу не ездила в таких такси. А тут... Просто открыла дверь, подумала — удобно. И попала к кому-то, кто даже не представился.

Как дура, вцепилась в возможность сбежать. Хотела только уехать.

Хоть сейчас подавай заявление на этого мерзавца.

Только с чем я приду в полицию? С тем, что кто-то посмотрел не так и не захотел выпускать, пока не получит номер? Формально ничего не случилось. А внутри всё будто перевернул.

Он был чужой. Совсем. Но его взгляд... Я не могу забыть. До сих пор от него будто мурашки под кожей ползают. Как будто он смотрел не просто на меня — а внутрь. Слишком спокойно. Слишком уверенно. Как будто всё понял. Или решил.

Захожу в квартиру и просто захлопываю за собой дверь. Стою, прислонившись к ней спиной.

Несколько секунд просто дышу. Глубоко. Тихо. Будто возвращаюсь в тело.

Медленно опускаюсь на пол, соскальзываю вниз, как будто ноги сами сдаются. Колени подгибаются, сумка падает на пол, ляпка соскальзывает с плеча. Лоб упирается в колени, и всё внутри словно замирает.

Всё закончилось, но не стало легче. Я дома, но будто не у себя. Всё, что я знаю: мерзавец уехал. Лёша предал. И я не знаю, кому верить, кроме пола под собой.

Хочется просто не думать. Не чувствовать. Не вспоминать ни дорогу, ни голос, ни взгляд. Но всё снова лезет в голову, как назло. Ничего не остановить.

Он всё ещё в голове.

Его голос. Этот взгляд.

Алексей.

Мерзавец.

Не могу разобраться, кто из них звучит громче.

Кого больше: того, кто предал, или того, кто смотрел так, будто видел всё насквозь?

Всё путается.

Перед глазами снова кабинет. Юбка, задранная так, как будто он даже не подумал, что их кто-то может увидеть. Его руки — уверенные, спокойные, чужие. Красное пятно на полу, как мои чувства в тот момент.

Потом — дождь, шумный, холодный. Машина. Его глаза в зеркале.

Его голос: «Девочка».

Словно я ему что-то должна. Словно у него есть право на

это слово. Эта чёртова ухмылка, будто я его собственность.

Меня тошнит от всего этого. Как будто все мужчины вокруг только ждут момента — поймать, прижать, утащить за собой.

Сию и не шевелюсь. Не хочу идти в комнату. Не хочу лечь в кровать, в которой мы с Лешей когда-то спали рядом. Когда он ещё не предал. Когда я ещё не чувствовала себя никому не нужной.

Ночь ползёт медленно. Часы тикают в кухне. Где-то в ванной капает кран. Всё раздражает. Всё напоминает. Сама себе противна.

Эта поездка, моя растерянность, этот тон, с которым он говорил. Вспоминаю его лицо. Спокойное, холодное. Как будто ему действительно всё равно, кто я. Или, наоборот, слишком важно.

Час ночи.

Полвторого.

Слёзы — снова. Как будто внутри лопается что-то по кругу.

Даже не пытаюсь больше вытереть лицо. Телефон лежит рядом, как мина. Не включаю его. Не хочу видеть ни Лешу, ни его. Ни одного, ни второго. Но в голове только они. Один предал. Второй... Второй просто влез в мою жизнь и будто остался там, никуда не уходя.

Поднимаюсь только чтобы выпить воды. Горло пересохло, рот будто ватный. Ноги ноют от сидения на холодном полу.

Прохожу на кухню и беру стакан. Он скользит в пальцах, выскальзывает и со звоном падает в раковину. Громкий грохот режет по ушам, как удар.

Вздрагиваю, будто очнувшись.

Смотрю на осколки, и кажется — это как-то символично. Как я сама.

Узкий луч света от фонаря с улицы пробивается сквозь щель в занавеске. Слишком яркий, слишком жёлтый. Всё кажется чужим. Даже собственная кухня. Даже стены. Холодный кафель под босыми ступнями будто из другой квартиры. Как будто я в гостях у себя. Как будто меня здесь больше нет.

Телефон вибрирует в руке, и я вижу новое сообщение с незнакомого номера:

«Ты дала мне не тот. Но я нашёл тебя всё равно».

Замираю. Сердце будто проваливается куда-то вниз, в живот.

Телефон в руке становится тяжёлым, как кирпич.

Смотрю на экран, не моргая. Пальцы дрожат.

Как он узнал? Что он хочет?

Страх подкатывает к горлу.

Секунда — и я хочу бросить телефон, разбить, стереть всё, стереть себя. Но не могу.

Сердце колотится, грудь сжимается. И вдруг стук в дверь.

Глухой. Один.

Я замираю. Не дышу.

Потом второй. Чуть громче.

Я медленно встаю. Без света, босиком. Подхожу ближе.
Сквозь глазок ничего не видно — темнота.

— Кто там? — шепчу. Или думаю, что шепчу.

Тишина.

Стою, почти не дыша, и медленно тянусь к дверному глазку. Щека касается холодной поверхности двери.

Присматриваюсь. Вижу только неясный силуэт. Слишком близко. Слишком неподвижно.

Грудь сжимается от напряжения.

Какого чёрта он здесь делает?

Глава 5

Стою, будто приросла к полу. Глаз не отвести от темного силуэта за дверью. Сердце где-то в горле. Ладони холодные. Стук снова. Громче. Звонче.

— Лера, открой, — доносится голос. Пьяный, с хрипотцой. Узнаю сразу.

Леша.

Закрываю глаза, вдыхаю. Медленно отпираю замок. Дверь приоткрывается, и в лицо сразу бьёт запах дешёвого алкоголя. Леша стоит, пошатываясь, с бутылкой в руке. Глаза блестят, лицо покрасневшее.

— Ну наконец-то, — бормочет и, не дожидаясь приглашения, вваливается внутрь.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю, отступая на шаг.

— Пришёл поговорить, — отвечает, ставит бутылку на тумбочку у входа. — А ты чего бегала, а? Что за цирк ты устроила?

Он говорит громко. Слишком громко для ночи.

— Уходи, — выдыхаю. — Сейчас же.

— Да ты что? — он ухмыляется. — Зачем ты ко мне приехала? Сюрприз сделать, да? Мне? Признайся, ты специально пришла, чтобы нас застукать?

— Ты пьяный. Тебе нужно уйти. — выпаливаю резко.

— Я пьяный, потому что ты меня довела, — огрызается

он, подходит ближе. — Холодная. Замкнутая. Ни тепла, ни нормального разговора. Всё время занята, устала. А мне что, как камень обнимать тебя каждую ночь?

Отступаю ещё на шаг:

— Не смей перекладывать вину на меня. Ты предал. Ты это сделал.

Он фыркает:

— Ха, а ты у нас, значит, светоша. У тебя, наверное, тоже кто-то есть. Таких, как ты, подбирают быстро. Смотришь ты теперь иначе. Глаза у тебя... не мои.

У меня перехватывает дыхание. Словно что-то застревает в горле. Это уже даже не ранит — не тот уровень. Это — мерзко. Грязно. Он выворачивает всё так, будто я виновата. Будто я толкнула его в чужие руки. И всё равно цепляет. Потому что он знает, куда бить. Знает, где тонко. И делает это специально. Привычно. Холодно.

— Ты с ума сошёл. Уходи отсюда. Мне нечего с тобой обсуждать.

Леша делает шаг и резко хватает меня за локоть. Пальцы впиваются в кожу. Вздрагиваю, не потому что больно — страшно. Он тянет ближе, и голос становится глуше:

— Ты — моя. Ты всегда была моей. Кто тебе вообще всё это дал? Эта квартира? Эта мебель? Всё моё, Лера. Я это устроил. Я тянул, пока ты там занималась своими книжками и детьми. А теперь ты хочешь всё это просто вычеркнуть?

Смотрю на него, будто впервые вижу. Всё, что мы строи-

ли, всё, что казалось общим, — теперь в его устах звучит как товар. Как его собственность. Я — его собственность.

— Отпусти. Всё кончено. Я хочу развода. — пытаюсь вырваться из его хватки.

— Да? — он ухмыляется. — А жить ты где будешь? Тут? В моей квартире? Или с тем, кто тебя сегодня подвозил? Я видел, как ты выбежала. Как в его тачку прыгнула, как будто готова с ним хоть сейчас.

Лицо у него меняется. Щёки пылают. Он срывается, резко дёргает меня к себе, начинает тащить в сторону спальни.

— Никакого развода. Ты никуда не уйдёшь. Не сейчас. Ты — моя, слышишь? Будешь делать как я скажу. Понятно?

— Леша, отпусти! — кричу я, пытаюсь оттолкнуть его, но он не слушает. Голос срывается на хрип.

Толкает дверь, втягивает меня внутрь, и я не успеваю ни зацепиться, ни вывернуться. Спотыкаюсь о край ковра, почти падаю, но он не отпускает. Заталкивает в спальню, будто это не наш общий дом, а его территория. Всё вокруг — знакомое, родное, но вдруг становится чужим.

Я хватаюсь за дверной косяк, пытаюсь затормозить хоть как-то, но пальцы соскальзывают. Леша держит крепко, как будто я вещь, которую боится потерять, и ему плевать, что она не хочет быть рядом. У него в глазах не злость — одержимость. Тот самый взгляд, от которого внутри всё сжимается.

Он захлопывает за нами дверь, и в комнате становится

душно. Хочется закричать, но в горле только ком.

— Хватит уже этого цирка, — бурчит он. — Поиграла в гордую? Вернись на землю. Будь нормальной. Будь как раньше.

— Уйди, — шепчу, но голос уже не звучит.

Он кидает меня на кровать. Подушка глухо хлопает, когда я падаю. Воздух вырывается из лёгких.

Резко поднимаюсь на локтях, смотрю на него, и чувствую, как в груди скапливается только одно — отвращение. Леша стоит надо мной, тяжело дышит, глаза блестят злобно, как у зверя, загнанного в угол.

— Не смей на меня так смотреть, — рычит. — Ты думаешь, у тебя кто-то будет лучше, чем я? Никто тебя так не вытерпит. Никто с тобой не останется. Только я знаю, какая ты на самом деле. Только я тебя держал, тянул всё на себе, пока ты в своих книжках летала.

Он нависает, не двигаясь, но будто давит каждым словом, каждым этим тоном, от которого хочется закричать. Чувствую, как бешено колотится сердце, как гудит в ушах, как по спине ползёт липкий страх.

— Ты боишься? — усмехается он. — Боишься меня? А раньше не боялась. А теперь, значит, вся такая гордая, чужая... Сбросила кольцо и думаешь, что свободна?

Молчу. Даже не дышу. Просто смотрю, как человек, которого когда-то любила, теперь говорит со мной так, будто я — предмет. И он — хозяин.

— Не трогай меня, — выдавливаю сквозь зубы.

Он замирает. Секунда — и снова ухмылка. Он качает головой, будто я глупая, как будто он всё ещё прав. Но я уже всё поняла.

Мы закончились. Кончились давно. Просто сегодня я это признала вслух.

И я не прощу ему этого.

Он вдруг отступает на шаг. Молча. Смотрит. А потом начинает расстёгивать рубашку, будто ничего не случилось.

— Сейчас я тебе покажу, чего ты собралась лишиться, — говорит, почти не глядя.

Сжимаюсь, отодвигаюсь к изголовью, будто могу вжаться в стену.

Что этот мерзавец задумал?

Глава 6

Леша продолжает расстёгивать рубашку. Медленно, как будто уверен, что я не сдвинусь с места. Как будто всё уже решено. Рубашка падает на пол, за ней летит ремень.

— Не думаешь, что зряставляешь себя святой? — бормочет, подходя ближе. — Может, ты давно уже не лучше меня.

— Леша, не надо... — голос хрипит, срывается.

Поднимаю ладонь, будто могу его остановить.

Он даже не смотрит на меня. Глаза мутные, дыхание сбивчивое, от него несёт перегаром и потом. Тянет меня за руку — резко, как будто проверяет, дам ли сопротивление. Пальцы сжимаются слишком сильно, болезненно. Потом хватает за бедро, резко, по-хамски.

Вздрагиваю. Всё его поведение — как будто это просто сцена из привычной жизни, будто он имеет право вести себя так. Чувствую, как всё внутри сжимается от отвращения и страха.

— Отпусти, — выдыхаю. — Ты с ума сошёл.

— Я твой муж! — рявкает он. — Ты — моя жена! Это твой долг!

— Мой долг? — вырываюсь, бью его по груди. — Ты мне больше никто, Леша. Никто!

Он хохочет. По-настоящему, мерзко, с издевкой.

— Ага. Никто. А жить где будешь? С кем-то новым уже договорилась? Или уже присматриваешь? — скалится он. — Ты же не просто так выскочила тогда. По тебе видно — ты уже не моя.

Чувствую, как внутри поднимается тошнота. Он говорит так, будто всё это игра, будто я — не человек, а вещь, которую можно отобрать, отжать, сломать.

— Я сказала, не трогай меня!

Он снова тянется, дергает за руку, будто силой может заставить меня забыть отвращение. Отшатываюсь, но он не останавливается. И тогда, в полной панике, со всей силы бью его коленом между ног. Резко, точно, без раздумий. Он сгибается с хрипом, лицо искажается, он хватается за живот, с трудом удерживаясь на ногах, цепляется за край кровати, пытаюсь не упасть.

— Сволочь... — шипит он, сверля меня взглядом.

Вырываюсь, бегу, захлопываю за собой дверь ванной, и только там понимаю, как сильно трясутся руки. Замок поворачивается с первого раза, но я всё равно дёргаю дверь, чтобы проверить — заперта ли. Только потом опускаюсь на пол, спина скользит по двери, ноги подгибаются сами. Меня трясёт. Холодно, липко, сердце грохочет где-то в ушах. В горле встаёт ком, и даже вдохнуть тяжело.

— Лера! — орёт он из-за двери, стуча кулаком. — Ты что, с ума сошла? Немедленно открой! — Открой, слышишь? Или я сам войду!

— Леша, тебе нужно протрезветь. Ты не в себе. — Стараясь говорить ровно, но голос предательски дрожит. — Я не открою. Просто уйди. Оставь меня в покое.

Он молчит, как будто обдумывает, что делать дальше. Голос меняется, становится мягким, почти жалобным.

— Прости. Лер, прости, я не хотел. Я вспылел. Я просто не понимаю, как мы дошли до этого. Я же люблю тебя. Дурак я. Открой, пожалуйста. Давай просто поговорим. Я тебя умоляю. — Его голос становится мягким, почти жалобным.

Прижимаю колени к груди. Холод от пола чувствуется сквозь ткань, но мне всё равно.

Всё внутри тянет, как после затяжной боли. Это уже было. Слишком знакомо. Он всегда орёт, потом просит прощения, говорит красивые слова. А потом — снова. Весь этот цикл, который он сам называет любовью. Только от этого не теплее. И не легче.

— Лера... Я всё понял. Я изменяюсь. Дай мне шанс. Я буду другим. Я исправлюсь... только открой.

Молчу. Не верю. Не хочу снова попасть в эту воронку. Знаю, как это закончится.

— Ладно, — произносит раздраженно. — Не хочешь похорошему — сиди тут. Дура. Придумала драму, устроила цирк. Вот и сиди.

Шаги по коридору звучат неровно — будто идёт, спотыкаясь. Потом резкий хлопок двери.

Вздрагиваю.

Ушел? Или он просто захлопнул спальню? Не разобрать.

Прислушиваюсь, но за стеной — ничего. Ни скрипа, ни шороха. Только тишина, в которой звенит напряжение. Кажется, даже воздух в ванной стал гуще. И всё равно не двигаюсь. Не верю, что он просто вот так ушёл.

Сижу, уставившись в одну точку. Пол перед глазами плывёт. Ладони на коленях — холодные, как и всё остальное во мне. Слёзы сами по себе — текут, не спрашивая. Не вытираю. Бесполезно. Только щёки щиплет. Голова гудит, будто в ней кто-то гремит посудой. А внутри — пусто. Пусто и тяжело, как после удара, от которого не знаешь, как оправиться. Даже думать не хочется. Просто дышать. Просто дожить до утра.

Как? Как я не замечала? Почему всё это время верила, что рядом со мной — тот, кто поддержит, кто любит? Почему не видела, что он всё время давил, унижал, прикрываясь заботой? Что он только притворялся тем, кем я хотела его видеть?

Вспоминаю, как он приносил мне чай, когда я болела. Как укрывал, пока я спала. Как говорил, что всё будет хорошо. И всё это — ложь? Или он просто всегда был таким?

Не знаю, сколько проходит времени. Может, десять минут. Может, час. За дверью — тихо.

Поднимаюсь медленно, всё тело ломит от боли.

Осторожно отодвигаю щеколду, и она скрипит слишком громко, как назло. Сердце ёкает. Замираю, прислушиваюсь

— тишина. Открываю дверь едва-едва, выглядываю. Коридор пуст. Свет тусклый, лампа мигает. Всё кажется чуть не таким. Как будто это не моя квартира.

Делаю шаг, потом ещё один. Ступаю осторожно, как будто боюсь разбудить что-то, что может снова наброситься. Пальцы дрожат, плечи подняты — я будто вся вжалась в себя. Каждый звук — будто удар. Даже дыхание даётся с трудом. Иду, стараясь не шуметь. Но внутри всё шумит громче любых шагов.

Осторожно заглядываю в зал и вижу Лешу.

Спит. С перекошенным лицом, в растёкшейся позе. Голый по пояс, джинсы расстёгнуты, ремень всё ещё болтается сбоку. Из комнаты тянет спиртным и чем-то тяжёлым, застойным.

Вижу, как рядом с Лешей загорается экран его телефона.

Не понимаю зачем, но медленно подхожу и замираю рядом. Экран телефона ещё светится, и я успеваю увидеть: сообщение от неизвестного номера.

Крупный текст на экране: «Ну что, разобрался с женой?»

Меня как будто током бьёт. В голове — гул. Кто это? Он с кем-то обсуждает это?

Протягиваю руку, чтобы взять мобильник, прочитав ещё, понять, кто это. И в этот момент он резко хватает меня за запястье.

— Ты что делаешь? — Голос сиплый, настойчивый. Глаза открыты. Он не спит.

Вздрагиваю, сердце выпрыгивает из груди.

Его рука горячая, сжимающая крепко, больно — слишком больно.

Не могу отдёрнуть ладонь, он не отпускает.

— Теперь ты еще и в моем телефоне копаешься? — Его голос хриплый, глаза полуприкрытые. — Что ты там хочешь найти, Лер? Ещё доказательства? Или повод снова устроить сцену?

— Пусти, — шепчу, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. — Просто пусти.

Он держит ещё пару секунд, будто что-то взвешивает, а потом резко отпускает.

— Иди к чёрту, — бросает. — Тебя уже ничего не исправит.

Отступаю назад, сжимаю руку, на коже до сих пор жар его пальцев. Смотрю в его глаза и не узнаю человека, которого когда-то любила.

Это больше не он. Это кто-то чужой, жестокий, непредсказуемый.

Ничего не говорю. Просто поворачиваюсь и ухожу в спальню. Закрываю за собой дверь, опускаюсь на пол и понимаю, что сегодня спать я уже точно не буду.

Нужно только понять, что теперь делать дальше.

Глава 7

Просыпаюсь в той же позе — на полу, у стены. Спина ноет, шея затекла. Всё тело будто деревянное. Пальцы замёрзли, как и мысли. Пару секунд пытаюсь понять, где я.

Вспоминаю — и сразу откат.

Ком в горле. Боль глухая, но настойчивая.

Сижу, не шевелюсь. Слышу, как в другой комнате хлопает дверца шкафчика. Леша. Голос где-то там, дальше, на кухне. Он напевает себе под нос. Как будто ничего не было. Как будто всё — нормально. Даже свистит себе под кофе-машину. Точно тот же звук, которым он раньше звал меня с утра.

Поднимаюсь. Медленно, с усилием. Тело ломит, особенно поясницу и плечи. Осторожно беру с тумбочки сумку и подхожу к шкафу. Там, в отдельной папке, лежат документы. Просто лежали — как все наши счета, страховки, мелочи, которые всегда хранились там, потому что так удобнее. Беру их теперь не потому, что готовилась к чему-то. Просто беру — потому что больше не могу оставаться. Потому что надо уходить.

Кладу в сумку. Всё тихо. Молния звучит громко, как выстрел.

Замираю. Вдруг Леша услышит. Но из кухни — только бульканье кофеварки.

Выдыхаю. Выпрямляюсь. Иду в коридор. Он стоит у пли-

ты, в майке, будто мы просто поспорили вчера и теперь забыли.

— Доброе утро, — говорит спокойно, даже с улыбкой. — Кофе будешь?

Смотрю на него молча. Просто смотрю. Мне даже отвечать не хочется. Он делает вид, что всё нормально. Что всё можно вернуть к «как было».

— Лера? — смотрит внимательнее, будто замечает, что со мной не так. — Что с тобой опять?

— Тебе надо съехать, — говорю. Голос ровный. Ни дрожи, ни крика. Просто ровный.

Он фыркает, усмехается. Словно я пошутила.

— С чего вдруг такие заявления? — кидает ложку в раковину. — Ты с ночи не пришла в себя, или что?

— Я серьёзно.

Он поворачивается ко мне спиной, достаёт кружку. Молчит.

— Я не хочу жить с тобой. Я не могу. После всего — не могу.

Он оборачивается, ставит кружку на стол. Выглядывает из-под бровей:

— Лера, ты перегибаешь. Это всё эмоции. Утро. Ты не в адеквате. Надо остыть, подумать. Мы взрослые люди.

— Я подам на развод, — говорю. Голос чуть ниже. Но твёрже.

Он замирает.

— Что ты сказала?

— Развод. Я подам документы. Сегодня. Я не хочу продолжать то, чего больше нет.

Секунда. Потом его лицо меняется. Брови сходятся, губы сжимаются. Всё тело будто напрягается в один момент.

— А ты быстро. — Его голос глухой. — Конечно. Значит, уже кто-то появился, да? Признайся. Ты не просто так такая уверенная. У тебя, наверное, давно кто-то есть.

— Что ты несешь? — отвечаю, стараясь сдерживать эмоции. — И если бы не ты, я бы даже не задумывалась о разводе.

— Ты лжёшь! — он срывается. — Ты давно уже от меня отвернулась! Я тебя содержал, тянул всё на себе, а ты... ты просто ищешь повод сбежать!

Я качаю головой. Устало.

— Нет. Я просто больше не хочу жить вот так. В страхе. В тени. В твоём мире, где я — никто.

Он кричит. Голос всё громче, срывается на маты, угрозы, обвинения. Слова валятся одно на другое — бессвязные, обидные, будто нарочно выдернутые из памяти, чтобы больнее.

— Думаешь, тебя кто-то примет такой? — кричит. — Ты же ни на что не способна! Ты без меня никто!

Не отвечаю. Уже не слушаю.

Подхватываю сумку. Медленно, без суеты. Ремень давит на плечо, но я будто не чувствую. Грохот его крика — как

глухой фон. Как будто он орёт в другой комнате, не в этой жизни.

— Слышишь?! — продолжает где-то за спиной. — Так просто ты от меня не уйдешь. Еще сама приползешь.

Поворачиваюсь к двери. Рука ложится на ручку — холодную, металлическую. Спина напряжённая, лопатки будто сведены. Всё тело гудит, но я не подаю виду. Он продолжает говорить что-то за спиной. Но я чувствую, что внутри уже пусто. Осталась только тишина и отчётливая мысль: хватит.

— Я ухожу, Леша. Всё.

Хлопок двери отдаётся в теле, как щелчок. Как будто воздух внутри становится чуть легче. Не свободней — просто тише.

Спускаюсь по лестнице. Ноги ватные. Колени подкашиваются. Но я иду. Шум в голове глушит всё остальное. Как же он всё переворачивает. Как будто я его предала. Как будто он — жертва.

Подонки. Настоящий подонки.

Зачем я ему вообще? Если он меня больше не любит. Если всё, что у нас было, ему давно безразлично. Или просто хочет доказать, что он всё ещё контролирует. Всё ещё может давить.

Выдыхаю, почти спотыкаюсь на последней ступеньке. Рука скользит по перилам, пальцы холодные, но я всё равно держусь — будто боюсь упасть, даже здесь, даже внизу. Дыхание сбивается, и я будто подталкиваю себя — шаг, ещё

шаг.

Открываю дверь подъезда. Замок щёлкает громко, и в лицо сразу бьёт влажный воздух с улицы.

Делаю шаг наружу. Всё то же — серое утро, машины, редкие прохожие. А у меня внутри всё как в тумане. Немного кружится голова, хочется просто сесть где-нибудь и не думать. Сердце гудит, руки всё ещё дрожат. Останавливаюсь у порога. Не из-за сомнений. Просто надо перевести дыхание.

Поднимаю взгляд и замираю.

У бордюра стоит та самая машина. Та, в которую я вчера села. Узнаю её сразу. Даже не по марке — по тому, как она просто стоит. Ждёт.

Сердце замирает, будто кто-то резко нажал на стоп. Дверь машины открывается.

И выходит тот самый мужчина.

Стоит. Смотрит прямо на меня.

— Доброе утро, Лера, — говорит спокойно, почти буднично. — А я тебя уже заждался.

Глава 8

Стою замерев и смотрю на мерзавца.

Что он сейчас сказал?

Почему он решил, что нужно поджидать меня возле дома? Да кто он вообще такой?

Мужчина просто стоит рядом с машиной, руки в карманах, спокойный, уверенный. Как будто так и должно быть. Как будто его появление здесь — обычное дело.

Моргаю и отвожу взгляд.

— Простите, вы, наверное, ошиблись, — говорю быстро, натягивая вежливую маску. — Я вас не знаю.

Разворачиваюсь и делаю несколько шагов в сторону.

Сердце бьётся где-то в горле, глухо, неровно. Ступни будто налились свинцом, но я заставляю себя идти.

Только бы уйти. Только бы раствориться среди машин, людей, серого утреннего города. Смешаться с толпой и больше никогда не видеть ни этого мужчину, ни всё, что осталось там, наверху.

Чувствую, как спина ноет от взгляда, которым он, наверное, всё ещё сверлит мне в затылок, но не оборачиваюсь. Просто иду. Чем дальше, тем лучше.

В кармане начинает вибрировать телефон. Резко, навязчиво.

Сердце на мгновение сжимается.

Неужели Леша еще не понял, что между нами всё кончено? Зачем звонить?

Нервно достаю телефон из кармана, почти не глядя, и только тогда вижу: незнакомый номер.

Оглядываюсь. Мужчина стоит на месте, но теперь держит телефон рядом с ухом. И улыбается. Легко, чуть насмешливо.

— Теперь я точно уверен, что не ошибся, — говорит он, убирая телефон.

Судорожно прячу мобильник обратно. Не зная, что ответить.

— Подвезти тебя? — предлагает мерзавец будничным тоном, будто спрашивает дорогу.

— Нет, спасибо, — отвечаю поспешно и снова разворачиваюсь, пытаюсь уйти.

Не успеваю сделать и пяти шагов, как он догоняет меня. Встаёт чуть сбоку, не преграждая дорогу, но создавая ощущение, что уйти будет сложно.

— Я не привык, когда меня обманывают, — говорит почти лениво. — Теперь ты мне должна.

Я резко останавливаюсь, замираю на месте, пытаюсь хоть как-то понять, чего он добивается. Сердце снова сбивается с ритма.

Точно! Неужели я забыла вчера заплатить ему?

Пальцы судорожно шарят в сумке, достаю кошелёк:

— Сколько я вам должна за поездку?

Мерзавец смеётся. Низко, глухо, чуть наклоняя голову:

— Мне не нужны твои деньги.

— Тогда что? — спрашиваю, напрягаясь. Пальцы стискивают ремешок сумки.

Он смотрит на меня внимательно. Как будто взвешивает что-то.

— Для начала — просто хочу подвезти тебя, — произносит с ухмылкой. — Вот и всё.

— Просто так? — с сомнением спрашиваю.

Он чуть улыбается, окинув меня взглядом:

— Просто так не бывает. Но я обещаю: никуда не увезу. Куда скажешь — туда и поедem.

Стою растерянная. Никогда не умела быстро соображать в таких ситуациях. Не привыкла к такому напору. Обычно люди были проще, прямее. А он как-то сразу задаёт правила, и даже воздух вокруг будто подчиняется ему.

— Или боишься? — мягко бросает он.

— Нет, — резко отвечаю.

Он молчит. Просто смотрит. Ни давит, ни уговаривает. Просто ждёт.

Поднимаю голову и краем глаза замечаю движение. Мелькает знакомый силуэт в окне на нашем этаже. Приглядываюсь — это Леша. Стоит у стекла, прижавшись почти вплотную, смотрит вниз. На меня. На машину. На мужчину рядом.

Замираю на мгновение. Сердце болезненно ёкает. Он всё видит. Кажется, даже отсюда чувствую, как напрягся его

взгляд.

И вдруг внутри что-то щёлкает. Может, глупо. Может, мстительно. Но часть меня хочет, чтобы Леша это видел. Чтобы понял, что потерял. Чтобы хоть что-то в нём зашевелилось.

— Ладно, — выдыхаю я, не веря, что это сказала. — Подвезите.

Мужчина ничего не отвечает. Медленно подходит ближе, легко, словно ему некуда спешить.

— Ну вот и отлично, — произносит довольно.

Неторопливо подходит к машине и касается дверной ручки. Будто давит на нервы специально.

Открывает передо мной дверь и делает приглашающий жест ладонью. Вижу, как мерзавец скользит по мне взглядом, чуть прищурившись, будто и правда заранее знал, что я всё равно соглашусь, сколько бы ни упиралась.

На секунду внутри что-то сжимается. Странное чувство, как будто ему можно доверять. Как будто он не из тех, кто причинит вред. Но я быстро отгоняю эту мысль. Слишком рано расслабляться.

Мельком вспоминаю, что в сумке где-то должен быть баллончик с перцовкой. На всякий случай. Пальцы сжимаются крепче на ремешке сумки. Если что — я смогу защититься. Надо просто быть настороже.

— Прошу, Лера, — негромко говорит он.

Сажусь внутрь. Чувствую на себе его взгляд, но не обо-

рачиваюсь. В голове шумит. Мне сейчас не до его странной игры. Не до загадочных ухмылок и странных предложений. Мне бы просто добраться до работы и отсидеться где-то в тишине. Переварить всё, что случилось.

Душит ощущение, что снова попала в какую-то ловушку. Что снова кто-то принимает за меня решения, а я просто молча соглашаюсь.

Но сил спорить нет. Хочется только одного — чтобы это поскорее всё закончилось.

Прежде чем дверь захлопывается, краем глаза успеваю увидеть в окне лицо Леши. Он почти прижимается лбом к стеклу, руки сжаты в кулаки. Черты лица перекошены злостью так сильно, что даже на этом расстоянии я вижу, как дрожат его губы. И, странным образом, это не пугает. Это только заставляет крепче сжать ремешок сумки на плече и сдерживать злую усмешку.

Глава 9

В салоне тихо. Даже слишком. Только негромкое жужжание мотора.

Сiju, вцепившись в ремешок сумки, и никак не могу выбросить из головы Лешу, стоящего в окне.

Что он теперь думает?

Видел, как я села в чужую машину. Наверное, бесится. Может, опять винит меня в том, что сама его довела. Или уже придумывает, как всё выставить так, будто я во всём виновата.

От этой мысли становится только противнее. Сильнее сжимаю сумку в надежде, что мне не потребуется использовать газовый баллончик.

Главное сейчас — не думать о плохом и просто подальше уехать от дома.

Мужчина ведёт машину спокойно. Неторопливо. Уверенно. Никаких резких движений, никаких вопросов. Но от этого становится только тревожнее.

Краем глаза поглядываю на него.

Спокойный, собранный. Лицо не выражает ничего лишнего. Ни раздражения, ни интереса. Будто ему вообще всё равно.

И всё равно внутри что-то сжимается. Это не такси. Я почти уверена. Думаю, что водители бизнес-такси ведут себя

иначе. Да и кто вообще будет стоять под подъездом с таким терпением? Ожидать. Меня.

— Куда тебя отвезти? — спрашивает он вдруг, не поворачивая головы.

Голос низкий, негромкий, чуть ленивый. Без нажима.

— Угол Лесной и Центральной, — говорю быстро.

Работа. Единственное место, куда мне сейчас можно.

Он кивает.

Машина продолжает ехать, и я чувствую, как внутри гулко отдается каждый метр расстояния, который отдаляет меня от дома. От Леши. От того, что ещё утром казалось привычным миром.

— Ты всегда такая осторожная? — вдруг спрашивает он.

Вздрагиваю от его голоса:

— С незнакомцами — да, — отвечаю резко.

— Правильно. — Он кивает, не отрывая взгляда от дороги. — Хотя не все незнакомцы опасны.

— Я предпочитаю лишний раз не проверять, — бурчу, вцепившись в ремешок сумки.

Он чуть улыбается краем губ.

— Ты вчера была смелее, когда села ко мне.

— Я думала, что это такси, — бурчу, отворачиваясь к окну.

До сих пор пытаюсь убедить себя, что это просто такси. Просто странный водитель. Просто неловкая ситуация. Только вот внутри всё сильнее скребёт ощущение, что всё

это далеко не случайность.

— И всё равно села бы, если бы знала?

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Потому что сама не понимаю, зачем тогда прыгнула в эту машину.

— Ладно, — спокойно произносит он, — не дави на себя.

Иногда лучше действовать сердцем, чем головой.

Тихо фыркая и отворачиваюсь к окну.

— Работаешь там? — спрашивает он, окинув меня взглядом.

— Да, — коротко отвечаю.

— Учительница? — добавляет, словно между прочим.

Я резко поворачиваюсь к нему:

— Откуда вы знаете?

Он спокойно смотрит на дорогу:

— Просто догадался.

Внутри всё напрягается ещё сильнее. Что значит «догадался»? По взгляду? По голосу? По какой-то мелочи, которую я сама не замечаю? Или он знает обо мне больше, чем говорит, и просто играет в вежливость?

В груди всё тянет неприятным комком. Чувствую себя голый под его спокойным взглядом, словно каждая моя мысль написана у меня на лбу. Хочется вжаться в кресло, закрыться, исчезнуть. Но сижу молча и делаю вид, что всё нормально.

— Вы часто «угадываете»? — спрашиваю я колко.

Он усмехается, но не отвечает. Просто продолжает вести

машину, как будто я сама должна сделать выводы.

Мне хочется выйти прямо сейчас. На ходу. Но ноги не слушаются.

Мимо проплывают серые улицы, мокрые от ночного дождя.

Сжимаю сумку на коленях, вспоминая вчерашний вечер, лестницу, дверь ванной. Лешу. Всё накладывается друг на друга, как рваная плёнка.

Машина плавно замедляется и останавливается у знакомого здания.

Выдыхаю, будто только сейчас замечаю, как всё время в пути держала дыхание.

Сжимая сумку, бросаю короткий взгляд в окно, проверяя, точно ли это место, точно ли я там, где должна быть.

Нерешительно тянусь к дверной ручке, в голове одна мысль: быстрее выйти, быстрее отгородиться от этой странной поездки, от этого странного мужчины, от себя самой, от всего.

Мужчина глушит мотор.

— Правильный адрес? — уточняет.

— Да, — кивком отвечаю, уже дотронувшись до ручки двери.

Он вдруг поворачивается ко мне впервые за всю поездку. Оценивающе смотрит:

— Здесь преподаёшь? — произносит с удивлением.

— Да, — чуть напряжённо отвечаю. — Начальные классы.

Сама удивляюсь, что вообще отвечаю. Все мои инстинкты кричат держать дистанцию, молчать, уйти в себя, но слова всё равно срываются, как будто внутри меня осталось что-то, что ещё цепляется за человеческое общение. Даже сейчас, даже с ним — чужим, незнакомым, опасным. Может, потому что он единственный, кто за последние сутки вообще попытался меня услышать.

Он хмыкает:

— Спокойная работа. Но тяжёлая.

Моргаю, ощущая, как внутри всё ещё скребёт обида. Леша никогда даже не интересовался, чем я живу на самом деле. Ему было важно, чтобы всё было удобно, чтобы я улыбалась вовремя, готовила вовремя, молчала вовремя. А мои дни? Мои мысли? Мои маленькие победы и усталость?

А тут — человек, которого я знаю от силы полчаса, и он смотрит на меня так, будто хочет знать. Слышать. Будто я — не пустое место рядом, а кто-то настоящий. И от этого становится только больнее. Потому что раньше я считала, что мне всего хватает.

— Боишься меня? — спрашивает он вдруг тихо.

Замираю. Сердце ухает где-то в горле. Несколько секунд просто смотрю на него, не в силах отвести взгляд. Словно пытаюсь понять: он шутит или действительно говорит то, что думает.

Чувствую, как руки дрожат, а пальцы крепче сжимаются на ремешке сумки. Всё тело напряжено, как натянутая стру-

на. Хочу ответить, сказать что-то колкое или просто выйти из машины, но язык будто прилип к небу.

Он смотрит прямо в глаза. Спокойно, без нажима.

— Не стоит, — произносит с ухмылкой. — Я не собираюсь причинить тебе вред. Никогда.

Не знаю, почему, но его слова цепляют сильнее, чем мне бы хотелось. Я не верю. Не должна верить. Но внутри впервые за долгое время что-то словно отпускает. На секунду.

— Спасибо за поездку, — выдавливаю я, дёрнув за ручку двери.

Он кивает, чуть усмехаясь:

— Увидимся скоро.

Выхожу из машины. Дверь мягко закрывается за мной с глухим щелчком. Стою пару секунд на тротуаре, чувствуя его взгляд в спину.

В голове крутится его последняя фраза. «Увидимся скоро».

Почему он так сказал? Обычная вежливость? Или он действительно собирается появиться в моей жизни снова? Но почему?

От этой мысли внутри всё невольно напрягается. Хочется сказать себе, что это просто слова, просто странный водитель. Но где-то в глубине поднимается странное предчувствие.

Нужно успокоиться. Ведь он и правда не обманул и подвёз до работы.

Выдыхаю, сжимаю ремешок сумки и, не оглядываясь, быстро направляюсь к зданию.

Просто иду.

В голове только одна мысль: что вообще происходит? И что ему от меня нужно?

Глава 10

Иду по коридору школы, стараясь держаться прямо. Приветливо киваю коллегам, улыбаюсь детям. Всё будто как всегда, но тело напряжено, как струна.

Хочется просто спрятаться куда-то внутрь себя и не выходить до конца дня. Только бы побыстрее это все закончилось.

— Лер, ты как? — окликает меня Марина, завуч. — У тебя вид уставший. Всё в порядке?

Вот только ее мне сейчас не хватало. Надеюсь, не станет читать нотации и рассказывать мне, как нужно работать с детьми. Еще этого я сейчас точно не выдержу.

— Просто не выспалась, — говорю тихо, стараясь держать себя в руках. — Тяжёлая ночь.

Марина впервые смотрит на меня с беспокойством. Кажется, я и правда сейчас выгляжу уставшей.

— Может, тебе подмену найти? Ты вся бледная. Не заболела?

— Нет, нет, всё нормально, правда, — спешу заверить её и быстро улыбаюсь, пытаюсь выглядеть убедительнее.

Она кивает, но в её глазах вижу сомнение. Мне нужно держаться, не выдать себя. Только бы продержаться до конца дня.

Уроки тянутся бесконечно. Я говорю, объясняю, двигаюсь между партами — всё на автомате. От каждого шоро-

ха вздрагиваю, от звонка на перемену сердце учащает ритм. Что, если Леша придёт сюда, прямо в школу? Что, если не успокоится? Что, если сделает что-нибудь ужасное?

В конце третьего урока ко мне подходит Марина, на её лице явная растерянность.

— Лера, там в учительской родители Вани Петрова, они хотят срочно поговорить о его успеваемости. Ты не можешь уделить им пару минут?

— Конечно, — киваю я, чувствуя, как напряжение растёт. — Сейчас приду.

Разговор затягивается, родители настойчиво задают вопросы о каждом уроке и каждой оценке Вани.

Стараюсь держаться ровно, хотя с каждым новым вопросом чувствую, как внутри нарастает раздражение и усталость. Терпеливо объясняю всё снова и снова, ощущая, что силы утекают с каждым произнесённым словом.

Наконец родители благодарят и уходят, я облегчённо выдыхаю и почти бегом направляюсь во двор, чувствуя острую потребность хоть на минуту остаться наедине с собой и прийти в себя.

Останавливаюсь у края асфальтированной дорожки, прилоняюсь к перилам. Закрываю глаза, пытаюсь унять дрожь. Воздуха не хватает. Хочется спрятаться от всего.

Открываю глаза и замираю. Сердце пропускает удар, когда замечаю фигуру у калитки.

Леша.

Стоит неподвижно, руки сжаты в кулаки. Вижу, как его плечи напряжены до дрожи. Взгляд прикован ко мне так пристально, что я ощущаю это физически, словно он пытается проникнуть под кожу. Лицо бледное, почти белое от ярости, глаза горят злостью и чем-то пугающе незнакомым.

Чувствую, как желудок сжимается в тугой узел, дыхание сбивается, как будто кто-то резко нажал на паузу во всём моём теле.

Он быстро подходит ближе.

— Нам надо поговорить, — бросает резко, почти зло.

— Мне не о чем с тобой говорить, — отвечаю, стараясь отступить назад.

Он хватает меня за руку, сильно, больно.

— Ты с кем уехала утром? — его голос напряжённый и дрожащий.

— Отпусти, — вырываюсь, но он держит крепко.

— Лера, ты хоть представляешь, что творишь?

— Я не обязана тебе ничего объяснять. Уже забыл, что сам сделал? — голос дрожит.

Вижу, как от моих слов он злится ещё сильнее, глаза вспыхивают яростью.

— Думаешь, тебя кто-то защитит? — рычит, глядя мне в глаза.

Хочу закричать, но вдруг слышу чьи-то шаги. Медленные, уверенные, приближающиеся с каждым мгновением.

Немного отстраняюсь от мужа и смотрю за его спину.

Не может быть. Что он здесь делает?

По коже пробегает холодок, и я замираю, не в силах даже дышать. Леша резко оборачивается, его лицо тут же меняется — на нем ясно читается растерянность и страх, словно он увидел того, кого совсем не ожидал встретить.

По дорожке идёт тот самый водитель. В его походке, во взгляде, в каждом движении сквозит уверенность и власть. Он останавливается рядом, бросает тяжёлый взгляд на руку Леша, сжимающую моё запястье.

— Отпусти её, — произносит тихо, уверенно, так, что не остаётся места для сомнений.

Леша вздрагивает, сразу ослабляет хватку и делает шаг назад.

— Что вы тут делаете? — его голос почти шёпот.

Мужчина не отвечает сразу, только смотрит на него долгим тяжёлым взглядом.

— Не твое дело, — произносит он медленно и жёстко. — Кажется, ты забыл, где сейчас должен находиться.

Леша смотрит на меня, затем резко переводит взгляд на мужчину. Его лицо постепенно искажается, в глазах мелькает неподдельный страх, смешанный с яростью и растерянностью. Он явно хочет что-то сказать, даже приоткрывает рот, но затем стискивает челюсть так сильно, что мышцы на щеках напрягаются. Его кулаки снова сжимаются, но теперь, кажется, не от злости — скорее от бессилия.

— Потом поговорим, — шипит он, отступая и быстро ухо-

для прочь.

Стою на месте, тело будто онемело, и я едва ощущаю собственное дыхание.

Мужчина переводит взгляд на меня, его глаза полны уверенности и того странного спокойствия, которое так сильно контрастирует с хаосом внутри меня.

Вдруг осознаю, что даже его простое присутствие рядом почему-то заставляет дышать легче, словно он способен унять бурю, которая не дает мне покоя последние сутки.

Внутри снова поднимается путаница и тревога, смешанные с необъяснимым чувством облегчения.

— Ты в порядке? — спрашивает он мягко.

Киваю, пытаюсь сглотнуть ком в горле.

— Может, стоит уйти сегодня пораньше? Я могу отвезти.

— Нет, — тихо говорю я. — Мне надо работать. Там дети.

Он кивает, ещё раз внимательно смотрит мне в глаза, словно проверяя, точно ли я в порядке. Затем медленно разворачивается и неторопливо уходит, его уверенная походка и широкие плечи остаются в моём поле зрения, пока он не исчезает за углом здания.

Смотрю ему вслед и ловлю себя на странной мысли, что впервые за день чувствую себя немного увереннее, хотя и не понимаю, почему.

Возвращаюсь в здание, стараясь понять, что произошло только что.

Голова гудит от множества мыслей, сердце всё ещё бьётся

так сильно, что отдаётся в ушах. Останавливаюсь на лестнице, чтобы хоть немного успокоиться, и в этот момент в сумке резко вибрирует телефон.

Вздрагиваю от неожиданности и быстро достаю его.

На экране вспыхивает имя: Леша.

Сердце снова болезненно сжимается, дыхание перехватывает. Пальцы невольно сжимаются сильнее вокруг телефона.

Открываю сообщение:

"Ты даже не представляешь, что натворила".

Глава 11

Возвращаюсь в класс будто через силу. Внутри пусто. Как будто всё, что могло болеть, уже отболело, и теперь осталось только тупое, глухое эхо. Мне бы сейчас просто дожить до конца смены, ни с кем не разговаривать, не влезать в чужие разговоры. Притвориться тенью и исчезнуть.

Шум голосов, скрип стульев, шаги за дверью — всё приглушено. Урок идёт, дети что-то отвечают, поднимают руки, перешёптываются. А я сижу за столом и смотрю в тетрадь, не в силах сосредоточиться.

Замечаю, что мои пальцы всё ещё дрожат после разговора с Лешей. Голова гудит. В висках стучит, как будто внутри поставили метроном. Зачем он приехал? Почему просто не оставит меня в покое? Разве он не сделал свой выбор, когда изменил мне? Разве он сам не хочет, чтобы я исчезла из его жизни?

Я не могу ни объяснить это, ни отпустить. Всё слишком запуталось. Снова чувствую себя уязвимой, слабой, будто всё, что я пыталась собрать в себе за последние дни, рассыпается от одного его взгляда. Почему он приходит тогда, когда я только-только начинаю дышать свободно?

А ещё этот странный мужчина. Кто он? Почему Леша так напрягся, когда увидел его? Может, они знакомы?

Следующий урок провожу на автомате. Слова сами льют-

ся с губ. Дети пишут. Кто-то отвлекается. Обычно я мягко поправляю, сегодня просто молчу. Вижу, как дети смотрят на меня с настороженностью. Кажется, что они чувствуют, что я не в себе.

Раздаётся последний звонок, и я вздрагиваю, будто кто-то ударяет меня по голове.

Встаю резче, чем нужно. Ставлю журнал, выпрямляю спину, будто это сейчас поможет мне выглядеть нормальной.

Дети прощаются, и я выхожу следом за ними в коридор.

И тут он. Мальчишка. Ваня. Тот самый, с чьими родителями я говорила сегодня.

Он стоит посреди прохода, скрестив руки. Плечи напряжены, подбородок вздёрнут, как будто он готовится к бою. В глазах — обида, упрямство и что-то ещё, более колкое.

Кажется, я уже знаю, что он сейчас скажет. Вижу, как он дышит через нос, сдерживаясь. Он кипит изнутри, и в этом взгляде столько взрослой злости, что становится не по себе.

— Из-за вас у меня отобрали телефон! — бросает он зло, и прежде чем я успеваю что-то ответить, резко расплёскивает на меня воду из бутылки.

Холодная. Прямо в лицо, на грудь, по волосам, по шее. Она проникает под воротник, обжигает кожу, заставляет дыхание сбиться.

Вздрагиваю, всё тело замирает в ступоре. Стою как вкопанная, и не могу ни вдохнуть, ни двинуться. Всё внутри обрывается, будто кто-то одним движением сорвал последнюю

нитку, на которой держалась моя видимость устойчивости. Хочется отвернуться, уйти, исчезнуть, но я просто стою, чувствуя, как по щеке стекает холодная капля, как будто слеза, только чужая, случайная, не моя.

В коридоре на секунду становится тихо.

— Ваня! — резко окликает его Марина, выныривая из-за угла. — Ты что себе позволяешь?!

Она идёт к нам быстрым шагом, на ходу доставая телефон:

— Сейчас же звоню отцу. Ты у меня будешь неделю в школьной библиотеке пыль вытирать!

Поднимаю руку, выйдя из ступора:

— Не надо. Марин, пожалуйста.

— Лера, ты что, ты же вся мокрая! Он не имел права!

— Он ребёнок. Я действительно могла сказать лишнее.

Просто отпустите его.

Марина смотрит на меня, потом на мальчишку. Ваня всё ещё дышит тяжело, смотрит исподлобья. Но в глазах у него уже не злость, а растерянность. Ему стыдно. Я это вижу.

— Ну иди, — устало говорит завуч. — Но если ещё раз хоть... — она не заканчивает, только машет рукой.

Мальчишка убегает.

Стою посреди коридора, одежда мокрая, волосы прилипли к вискам. Хочется провалиться сквозь пол, исчезнуть, просто стать невидимой.

Это уже не просто усталость — это какое-то смирение, бессилие, которое давит изнутри. Марина ещё что-то гово-

рит, но я не слышу. Только киваю и молча иду в сторону выхода.

Выхожу на улицу, стянув блузку покрепче. Ткань неприятно липнет к телу, каждый шаг отдаётся холодом. Волосы мокрые, ладони мёрзнут. До дома — ехать на автобусе. Позорище. Но идти пешком — не лучшая идея.

Подхожу к остановке и стараюсь не встречаться ни с чьими взглядами. Просто опускаю голову. Пальцы замёрзли, ноги будто ватные. От стыда щиплет в глазах, но я моргаю быстро, не давая слезам выйти наружу. Хочется только одного — исчезнуть. Раствориться в потоке прохожих, стать незаметной. Я не просто мокрая. Я раздавлена. Унижена. И в этот момент — абсолютно одна.

Рядом притормаживает машина. Узнаю её даже не глядя. Нет. Только не он. Только не сейчас.

Водительская дверь открывается медленно, почти лениво, и он выходит, как будто знал, что я здесь, как будто знал, что мне именно в этот момент снова станет не по себе.

На лице ни улыбки, ни удивления. Только спокойствие и взгляд, который скользит по мне слишком внимательно, слишком точно. И от этого становится ещё холоднее — или, может, наоборот, слишком жарко под кожей.

— Вот чёрт... — выдыхаю тихо, будто он услышит.

Мужчина подходит ко мне, не торопясь. Без улыбки. Молча снимает пиджак и накидывает мне на плечи.

— Всё хорошо, — говорю, делая шаг назад. — Не надо,

правда. Я сама.

— Ты дрожишь, — спокойно отвечает он. — Не спорь. Садись в машину.

— Я подожду автобус.

— В таком виде? — он хмурится, и я вижу, как его глаза пробегают по моему телу, останавливаясь на груди. — Или ты хочешь, чтобы кто-то ещё увидел тебя в таком виде?

Отступаю ещё на шаг.

— Почему вы всё время появляетесь, а? Что это вообще? Вы... следите за мной?

Он смотрит прямо в глаза.

— Ты просто мне понравилась. — произносит тихо.

Теряю дар речи. Пару секунд просто смотрю на него.

— Что? Я даже имени вашего не знаю.

Он чуть улыбается.

— Сейчас это неважно.

— Мне важно! — резко отвечаю.

Он подходит ближе. Чувствую тепло его тела, запах чего-то пряного, тёплого.

— Если ты не сядешь в машину, мне придётся сделать это силой. А я этого очень не хочу. — произносит спокойно. Без угрозы. Но я чувствую, как от его слов у меня по спине пробегает дрожь.

Стою секунду, две. Понимаю, что мне не хочется, чтобы он прикасался. Слишком много всего было за последние сутки. Слишком много рук, хваток, давления.

Да я даже не знаю, кто он. Или что он. Но при всём этом... часть меня почему-то ему верит. Или хочет верить.

Понимаю, что ехать на автобусе в таком виде — это пытка.
— Ладно, — тихо выдыхаю. — Только до дома. И ни слова больше.

Он кивает. Открывает переднюю дверь.

Сажусь, осторожно натягивая пиджак на плечи. Он слишком большой, но странно подходит. Словно отгораживает меня от мира. Пахнет им — не навязчиво, но отчётливо. Тепло. Это странно успокаивает и одновременно злит. Не хочу, чтобы он был для меня чем-то вроде защиты. Но он почему-то стал. Ткань тёплая. Пахнет им. И это немного затуманивает разум.

Машина трогается мягко. Замираю, не смея даже откинуться на спинку кресла. Всё внутри сжато, как пружина. Смотрю в окно, будто в этом моё спасение.

Пытаюсь дышать ровно, но каждая мысль мешает.

Что я делаю? Почему вообще села? Почему снова попала в ситуацию, где не контролирую ничего?

И при этом... почему рядом с ним не так страшно, как должно бы быть?

Проходит минута. Потом ещё одна. И вдруг понимаю — мы не едем в сторону моего дома.

— Стоп. Это не та дорога. Куда вы меня везёте?

Он не поворачивает головы. Говорит спокойно:

— Не переживай. Просто расслабься. Я обещаю, всё будет

в порядке.

Глава 12

Резко поворачиваюсь к нему, стараясь скрыть внутренний страх возмущением:

— Как можно не переживать! Вы почти силой заставили меня сесть к вам. А я даже не знаю, кто вы и куда вы меня везёте!

Он слегка приподнимает бровь, не отвлекаясь от дороги, и едва заметно усмехается:

— Разве тебе не всё равно, куда тебя везут в дорогой машине?

— Да хоть в золотой! — говорю резко, чувствуя, как злость вытесняет страх. — Мне всё равно на вашу машину! И вообще, у меня муж есть!

Чувствую, как от упоминания Лёши голос дрожит и обрывается.

Замолкаю, и внутри вдруг поднимается тягучее чувство пустоты. Стыдно и больно вспоминать, что произошло между нами.

Мужчина кидает на меня выразительный взгляд, видимо заметив моё замешательство. Вижу, как в его глазах вспыхивает искорка самоуверенности и какого-то особенного удовольствия от того, что ему удалось вывести меня из равновесия.

Становится неуютно, будто он читает все мои мысли и

знает обо мне гораздо больше, чем я хочу показывать.

Его улыбка становится шире, а взгляд тяжелее:

— Муж? — произносит он, слегка качнув головой. — Ты про того самого мужа, от которого ты бежала, и который устраивал тебе сцену возле школы?

Щёки вспыхивают, жар разливается по лицу и шее, заставляя меня почувствовать себя слабой и уязвимой. В груди нарастает возмущение, смешанное с болью, но слова никак не хотят срываться с губ. Хочу возразить, резко ответить, поставить его на место, но страх и смущение сковывают язык.

Делаю глубокий вдох, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце и вернуть себе хоть толику самообладания:

— Это не ваше дело! И вообще, нельзя просто так брать и увозить девушку куда вздумается!

Мерзавец снова усмехается, медленно и с явным удовольствием:

— Я делаю то, что хочу. Разве это не очевидно?

Смотрю на его уверенный профиль и чувствую, как внутри снова разгорается раздражение. Он ведёт себя так, будто имеет право на всё.

На меня. На мои решения.

— Вы просто сумасшедший, — бормочу я себе под нос, сжимая сумку на коленях.

Телефон начинает вибрировать в кармане, и я вздрагиваю. Быстро достаю его, видя на экране имя Лёши.

Сердце болезненно сжимается, но не беру трубку, просто

молча смотрю на экран, пока звонок не стихает.

— Почему ты не отвечаешь? — вдруг спрашивает мерзавец, бросив короткий взгляд в мою сторону. — Почему не скажешь своему мужу, что тебя похитил отвратительный тип?

Сжимаю телефон крепче, чувствуя, как пальцы начинают дрожать:

— Не хочу с ним говорить, — выдавливаю тихо, скорее самой себе, чем ему.

В этот момент впервые чётко осознаю, что с Лёшей я не хочу больше ничего общего. Ни сейчас, ни потом. Никогда.

Мужчина кивает, будто ожидал такого ответа:

— Вот и отлично. Значит, будет так, как скажу я.

— Что? Нет! Остановите машину и выпустите меня немедленно! — почти кричу, пытаюсь придать голосу уверенности, которой совсем не чувствую.

Мерзавец спокойно игнорирует мой возмущённый тон и продолжает ехать, даже не замедлившись:

— Ты меня обманула, помнишь? Дала неправильный номер. Теперь ты мне должна.

Нервно сжимаю кулаки, понимая, что он просто так меня не отпустит:

— Что вам вообще нужно от меня?

— Ничего противозаконного, — с лёгкой усмешкой отвечает он, останавливая машину перед каким-то дорогим магазином одежды.

Растерянно оглядываюсь, чувствуя, как внутри нарастает тревога:

— Что мы здесь делаем?

Мерзавец медленно поворачивается ко мне, и его глаза блестят с каким-то странным азартом:

— Отрабатывать долг в таком виде ты не можешь.

Сердце снова начинает бешено колотиться, и я не могу понять, что именно он задумал, и почему мне вдруг становится так неуютно от его взгляда.

— Вы что, собираетесь купить мне одежду? — спрашиваю, не веря собственным мыслям.

— Может быть, — произносит он спокойно, но его взгляд становится ещё более цепким и оценивающим. — Или ты предпочитаешь разгуливать в мокром?

Замираю, чувствуя, как краска снова заливает лицо:

— Это не ваше дело. И вообще, я должна была ехать домой. — выпаливаю резко.

— Теперь уже моё. А домой ты еще успеешь, — спокойно отрезает он, и я понимаю, что спорить бесполезно.

Глубоко вздыхаю, стараясь справиться с раздражением и растущим волнением. Внутри снова поднимается волна тревоги, но одновременно с ней появляется и странное ощущение, что рядом с ним я в безопасности, даже если это не имеет никакого смысла.

Смотрю на магазин и с трудом сглатываю.

Даже не могу представить, что этот мерзавец задумал.

Глава 13

Как только двери магазина разъезжаются в стороны, в лицо ударяет поток теплого воздуха и лёгкий запах чего-то сладкого и пудрового — слишком навязчивого. Свет внутри приглушённый, всё сделано так, чтобы сразу почувствовать: сюда приходят тратить деньги. Не забегают случайно с улицы. А я в его пиджаке, в мокрой блузке и с ощущением, будто всё происходящее — розыгрыш, который зашёл слишком далеко.

Моргаю, чуть шурясь от контраста с улицей, и инстинктивно тянусь к пуговице на его пиджаке, всё ещё висящем на моих плечах.

— Добрый вечер, — почти одновременно произносят две идеально ухоженные девушки, встречающие нас у входа.

— Добрый, — отвечает он, даже не замедлив шаг. — Ей нужен комплект на вечер. Что-то элегантное.

Улыбки девушек становятся шире, они тут же начинают суетиться, переглядываются, как будто это для них обычное дело.

Стою в растерянности.

Мозг пытается переварить его слова. Ужин? Комплект?

У него что, в голове сценарий, в котором я добровольно и с удовольствием следую за ним, подчиняюсь, надеваю платья, сажусь за стол и мило улыбаюсь?

Внутри вскипает возмущение:

— Простите, какой ужин? Мы вроде бы об этом не договаривались. Я вообще-то не собираюсь с вами никуда больше ехать!

Он останавливается, оборачивается ко мне, и я вижу, как его брови немного приподнимаются, как будто от удивления.

Нервно сглатываю, чувствуя, как по телу пробегает дрожь от его взгляда.

Он медленно идет в мою сторону, от чего я сжимаю пальцы в кулак и делаю полшага назад. Словно все мое тело решило включить какой-то защитный механизм. Но он уже рядом.

Ближе, чем я могла бы позволить незнакомцу.

Его взгляд цепляется за мой, тяжелый, уверенный, спокойный. Но я понимаю, что за этим спокойствием что-то кроется.

— Мы договорились, когда ты села в мою машину. Теперь ты играешь по моим правилам, — произносит он негромко, но так, что каждое слово словно врезается в кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.